

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ или КОМПРОМИСС СУПЕРКОНФЕДЕРАЦИЙ: ПЕРСПЕКТИВЫ МИРА, ЕВРАЗИИ и ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В статье дается критический анализ парадигмы С. Хантингтона о столкновении цивилизаций, предлагается авторская парадигма компромисса суперконфедераций и рассматриваются перспективы мира, Евразии и ЮВА, связанные с применением двух парадигм.

Критический анализ парадигмы С. Хантингтона

С. Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» (1996)¹ предложил парадигму международных отношений, трактующую будущее как раскол постбиполярного мира на 8 цивилизаций – западную, православную, четыре восточных (китайскую, японскую, исламскую, индуистскую), латиноамериканскую и африканскую (с.52).

Несмотря на восторженные отзывы и всемирную известность книги «Столкновение цивилизаций», рискну на основе опыта прошедших десятилетий критически отнестись к прогнозам С. Хантингтона и высказать основные идеи иной парадигмы мировой политики и международных отношений, а именно парадигмы Компромисса Суперконфедераций.

Для сравнения двух парадигм, начну с анализа основных понятий парадигмы С. Хантингтона. Ключевым является понятие «цивилизация». Во всей работе С. Хантингтона встречаются десятки определений «цивилизации», но нет ни одного окончательного и ясного авторского определения. На с.49 дана попытка определить цивилизацию через объективные признаки (язык, историю, религию, обычаи, социальные институты, культурную целостность), а также через субъективную самоидентификацию людей (итальянец, католик, христианин, евро-

¹ С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. Москва, Изд-во АСТ, 2015, 571 с.

пеец, житель Запада). Однако завершается эта попытка признанием того, что – «У цивилизаций нет четко определенных границ и точного начала и конца. Люди могут идентифицировать себя по-разному и делают это. В результате состав и форма цивилизаций меняются со временем... Цивилизации, таким образом, являются многосторонними целостностями, и все же реальны, несмотря на то, что границы между ними редко бывают четкими» (с.49). В дальнейшем С. Хантингтон добавляет к признакам цивилизации устойчивость во времени, наличие фундаментальных идей для сплочения поколений, обязательное культурное и необязательное политическое единство и деление на главные и периферийные цивилизации.

В конечном счете, ссылаясь на Тойнби, Шпенглера, Макнила, Бэгби, Броделя, Ростовани и Мелко, С. Хантингтон делает вывод о некотором «разумном согласии» западных ученых рассматривать семь важнейших исчезнувших цивилизаций и восемь ныне существующих цивилизаций (с.52) как наиболее общих и наиболее значимых (главных) культурных целостностей.

Итак, если цивилизация это наивысшая культурная целостность, то следующим шагом для уточнения понятия «цивилизация» должно стать определение культуры и определение культурной целостности.

В понятие «культура» русская традиция непременно включает две составляющие – материальную культуру (технику, технологии, материальную среду жизнедеятельности) и духовную культуру (ценности, идеалы, законы, менталитет и высшие интеллектуальные, художественные и моральные качества общества). Однако С. Хантингтон сразу отвергает представление цивилизации как материальной культуры, подчеркивая, что на Западе это допускает лишь немецкая традиция. В дальнейшем он постоянно говорит о цивилизациях лишь как о комплексах феноменов духовной культуры (язык, религия, идеалы, институты и т.п.).

Что касается культурных целостностей, то ситуация запутывается еще больше, поскольку допускаются два способа определения таких целостностей – через объективное пространственное распространение культурных феноменов (Бро-

дель) и через субъективную культурную самоидентификацию людей – носителей культуры (Хантингтон и др.). Второй способ вообще выглядит абсурдным для научного исследования, поскольку теоретически можно представить себе жителя Франции (западная цивилизация), отцом которого является египтянин (исламская цивилизация), мамой – русская (православная цивилизация), любящего индийскую кухню (индуистская цивилизация), изучающего карате (японская цивилизация), и китайскую каллиграфию (синская цивилизация), женатого на бразильянке (латиноамериканская цивилизация) и преподающего в университете культуру Экваториальной Африки (африканская цивилизация). На вопрос, к какой цивилизации он относится, такой человек может дать любой ответ, включая – ко всем цивилизациям сразу. Культурная самоидентификация превосходна для жизненной практики, но совершенно не пригодна для анализа международных отношений в глобальном масштабе. Поэтому второй путь определения цивилизации как культурной целостности через субъективную самоидентификацию людей для серьезного научного анализа совершенно неприемлем.

Итак, остается единственный способ определения цивилизации через область пространственного распространения комплекса культурных явлений. Но тогда необходимо обязательно определять составляющие такого комплекса. И здесь нас ожидает новая проблема. Чем больше составляющих будет включено в комплекс, тем сложнее будет определить пространственные границы конкретной цивилизации, поскольку области распространения культурных явлений будут существенно отличаться. Например, области распространения христианства и использования европейских языков будут существенно отличаться от областей распространения демократических политических режимов или действия института однополых браков. Поэтому попытка определения границ западной цивилизации всего лишь по четырем, казалось бы, «западным» культурным феноменам может поставить в тупик любого ученого. Таким образом, этот путь также представляется крайне сложным для научного анализа.

Следующая проблема связана с трактовкой понятия «столкновение цивилизаций». Если следовать определению ци-

визации как высшей культурной общности, то как понимать столкновение высших культурных общностей? Как столкновение отдельных культурных феноменов, принадлежащих к разным цивилизациям? Как столкновение культурных комплексов в целом? Как анализировать столкновение исламской и западной цивилизации – как столкновение Корана и Библии, как дискуссии групп интеллектуалов, как действия шариатской полиции в европейских городах или как-то совсем иначе? Какие культурные организации участвуют в столкновениях? Вопросов возникает гораздо больше, чем дается ответов. Более того, понимая нарастающие трудности в объяснении и анализе, С. Хантингтон в середине книги (глава 6) все-таки вынужден отождествить цивилизации со странами и всю вторую половину книги использовать деление стран на пять основных типов в зависимости от соотношения между цивилизацией и страной. Таким образом, получилась новая цивилизационная типология стран (с.203-209). В данной типологии первый тип получил название стержневая страна, как наиболее могущественная и центральная в культурном отношении страна данной цивилизации. Второй тип назван страна-участница (страна, полностью отождествляющая себя с одной главной цивилизацией). Третий - страна-одиночка (не имеющая культурной общности с другими странами), четвертый - расколота страна (включающая культуры разных цивилизаций) и пятый - разорванная страна (лидеры которой стремятся изменить культуру своего народа на культуру другой цивилизации) (с.203-209).

Переход от анализа расплывчатых цивилизаций к анализу конкретных стран, с использованием данной типологии, становится гораздо более интересным и продуктивным, поскольку позволяет очертить границы цивилизаций (через границы стран и регионов) и наметить линии расколов, вдоль которых будут происходить столкновения цивилизаций (но, по сути – столкновения групп стран и регионов).

Последующее применение С. Хантингтоном данной типологии к описанию ряда стран показало, что любая большая страна (Россия, США, Китай, Турция, Мексика, Индия и др.) в разные исторические периоды своего существования может быть и стержневой, и участницей, и одиночкой, и расколотой и

разорванной. Максимальной мощи страна достигает в состоянии стержневой страны, а максимального ослабления в состоянии расколота и разорванной страны. Этот интересный подход создает не только инструмент анализа, но и инструмент практических действий стержневых стран по отношению к странам своей и чужих цивилизаций. Например, в седьмой главе С. Хантингтон описал три сценария будущего существования Украины – нейтральный (в качестве страны-участницы православной цивилизации); позитивный (в качестве одной из двух стержневых стран православной цивилизации, наряду с Россией) и негативный (в качестве расколота страны, из состава которой раньше или позже выйдет Восточная Украина, а Западная Украина сможет существовать только при поддержке Запада и ухудшения отношений между Западом и Россией на уровне холодной войны) (с.256-258). Как видим, через 20 лет после публикации этих сценариев, американские специалисты реализовали именно третий сценарий С. Хантингтона, умело маскируя геополитическое и экономическое противостояние России и США в Евразии под межкультурный конфликт Украины и России. Не случайно массовой атаке подвергаются все культурные феномены русской цивилизации на Украине – от русского языка до раскола православных церквей и уничтожения памятников истории и культуры. Чудовищный эксперимент американцев с современной Украиной полностью построен на том, чтобы украинцы воспринимали русскую культуру как абсолютно чужую и враждебную украинской культуре. Это создает ситуацию реального ментального и институционального раскола и столкновения России и Украины именно как частей православной цивилизации. Таким образом, для стран с отсутствием расовых и этнических противоречий, искусственно создаваемые культурные противоречия могут быть реальной основой конфликтов и даже войн.

Вполне осознавая опасность данной идеи не только по отношению к другим цивилизациям, но также к США и западной цивилизации, С. Хантингтон категорически выступает против идей мультикультурализма в США и западном мире. Он приводит слова Т.Рузвельта о том, что абсолютно надежным способом привести североамериканскую нацию к гибели является

превращение ее в «клубок вздорных народов», через поощрение расового, группового, этнического, экономического и культурного многообразия (с.499). Провозглашая двумя столпами американской идентичности культурную традицию Запада и американский политический идеал (свобода, демократия, равенство перед законом, конституционализм, индивидуализм, частная собственность), С. Хантингтон говорит об опасности мелких групп интеллектуалов, стремящихся отрицать существование единой американской культуры и поддерживающих идеологию мультикультурализма американского общества. Конечным результатом такого процесса С. Хантингтон видит потерю Соединенными Штатами своего культурного ядра (вестернизации) и последующий крах всей западной цивилизации: – «Отказ от идеала и от западной цивилизации означает конец тех Соединенных Штатов Америки, которые мы знали. Фактически это означает и конец западной цивилизации. Если США девестернизируются, Запад съжится до размеров Европы и еще нескольких мало населенных европейскими поселенцами океанских стран» (с.500-501). Поэтому С. Хантингтон выступает не только категорическим противником мультикультурализма в США, но и в Европе, провозглашая главенствующую роль НАТО, как главного западного института (с.501) и «атлантизма» как единой евро-американской идеологии, порождающей третью (евро-американскую) фазу развития и экспансии западной цивилизации (с.503).

Итак, разделяя мир на цивилизации и провозглашая культурные различия главной причиной будущих столкновений, С. Хантингтон отвергает мультикультурализм в пределах западной цивилизации, призывая к максимальному единству запада и приверженности евро-американским культурным ценностям и идеалам.

Завершается работа С. Хантингтона, казалось бы, замечательным призывом – «В нарождающейся эпохе, столкновения цивилизаций представляют величайшую угрозу миру во всем мире, и международный порядок, основанный на цивилизациях, является самой надежной мерой предупреждения мировой войны» (с.527). Категорически не соглашусь с этим утверждением, поскольку величайшую угрозу миру во всем мире пред-

ставляют не столкновения культур, а гонка вооружений и мировой порядок, основанный на идее превосходства и исключительности одной страны или одного народа. Современные западные политологи без конца говорят о международных отношениях в терминах лидерства, превосходства, соперничества, покушения на либерализм и достойного ответа на новые вызовы. К сожалению, С. Хантингтон характеризует перспективы мира в этих же терминах, хотя нужен совершенно иной подход.

Для итогового анализа парадигмы С. Хантингтона и формулирования парадигмы Компромисса Суперконфедераций я буду использовать универсальную тетраду понятий – «поле-игроки-правила-цели», пригодную для полноценного анализа любого вида человеческой деятельности (от футбола до международных отношений), и восходящую еще к древнегреческой философии. Принципиальная новизна парадигмы С. Хантингтона состоит в том, что он создает новые смыслы по всем четырем компонентам тетрады. В качестве нового игрока международных отношений рассматривает цивилизации, в качестве нового поля международных отношений рассматривает отношения между цивилизациями (в первую очередь как межкультурные отношения), в качестве новых правил предлагает правило воздержания, правило совместного посредничества и правило общности (о которых я еще скажу ниже) и в качестве новой цели – создание нового международного порядка, основанного на цивилизациях (многополюсный мир). Определяя цивилизации как нечто давно существующее, но нечетко определяемое, и выдвигая несколько других интеллектуально интересных идей (цивилизационная типология стран, схема развития межцивилизационного конфликта и др.) С. Хантингтон создал идеальные условия для включения в обсуждение данной парадигмы специалистов из всех стран мира. При этом немногие видят в работе С. Хантингтона «ядовитую начинку», из-за которой она скорее должна быть определена как «гениальная провокация», чем как выдающийся научный труд. К наиболее значимым сторонам данной провокации следует отнести: а) ее 100% проамериканский характер, позволяющий США сохраниться как единому государству, как лидеру западного мира и как мировому лидеру, получающему новый инструмент управ-

ления мировой системой через разделение и столкновение цивилизаций; б) переключение внимания с экономических и политических конфликтов между западом и остальным миром на межцивилизационные (культурные) конфликты в не-западном мире и в) создание теоретической основы для практического раскола любой страны на цивилизации, квазицивилизации и субцивилизации, который вместе с этническими и экономическими противоречиями между центром и регионами может стать взрывоопасной смесью для гражданских конфликтов. Все перечисленные соображения и заставляют предложить парадигму компромисса суперконфедераций для мирового порядка в 21 веке. Перейду к ее предельно краткому изложению.

Парадигма компромисса суперконфедераций

Главной целью парадигмы международных отношений должно быть теоретическое обоснование решения ключевых проблем современного мира. К таковым относятся проблема войны и мира, проблема социально-экономического благосостояния и проблема планетарных рисков в самых различных областях существования человечества. Проблема войны и мира включает предотвращение Третьей мировой войны. Проблема благосостояния состоит в сокращении разрыва в благосостоянии между «золотым» миллиардом и остальным населением мира, но как минимум в искоренении нищеты и голода. Проблема планетарных рисков включает прогнозирование, мониторинг и создание систем быстрого реагирования на возникновение малопредсказуемых рисков на континентальном и глобальном уровнях (экологические, социальные, технологические, космические, культурные, инфекционные и иные риски). Каждая из перечисленных проблем не может быть решена ни отдельным государством, ни даже слабыми группами государств, включая организации в составе ООН, ни даже самой ООН, испытывающей финансовые и организационные трудности. Следовательно, необходимо создание достаточно сильных групп государств (суперконфедераций), которые будут способны решать перечисленные проблемы сначала на уровне отдельных континентов, а затем и в масштабах всего мира. По боль-

шому счету, вместо однополярного мира должна быть создана сетевая горизонтальная структура суперконфедераций.

Определяю суперконфедерации как **устойчивые континентальные и океанические союзы сильных государств с высоким уровнем интеграции в сферах обороны, благосостояния и безопасности**. Причем как сила государств, так и уровень интеграции касаются, в первую очередь, оборонных возможностей, экономического развития и защиты от рисков. Интеграция в сфере обороны предполагает наличие объединенных вооруженных сил, действующих под руководством объединенного штаба. Интеграция в сфере безопасности предполагает наличие тесных контактов между национальными службами безопасности, обменивающимися информацией о самых разнообразных рисках функционирования суперконфедерации, включая экологические, космические, цивилизационные, технологические, социальные и иные риски. Интеграция в сфере благосостояния предполагает наличие системы экономических договоров, а также совместных экономических агентств, формирующих стратегию и генеральные проекты экономического развития суперконфедерации. Все остальные вопросы могут быть отнесены к компетенции государств-участников конфедерации. Союз двух сильных государств создает ядро безопасности и благосостояния, к которому начинает стремиться ближайшее окружение, включая средние и слабые страны. Процесс формирования суперконфедерации заканчивается, когда для ее участников нарастают риски и снижается благосостояние. Обычно это происходит, когда суперконфедерация выходит за пределы «своего» континента (океана) и вступает в конфликтные отношения с суперконфедерацией «чужого» континента (океана). Таким образом, главным **игроком** международных отношений и мировой политики необходимо признать суперконфедерации. Соответственно, главным **полем** международных отношений для суперконфедераций выступают отношения в сфере обороны, безопасности и мегаэкономики (экономики наднационального уровня). При этом цивилизационная принадлежность государств таких союзов не имеет серьезного значения. Что касается **целей** суперконфедераций, то их надо отнести к двум уровням. На первом уровне должно быть достиг-

нуто создание системы предотвращения внутриконтинентальных конфликтов, обеспечение внутриконтинентальной безопасности и среднего уровня благосостояния. Если суперконфедерация существует и имеет высокий уровень интеграции в трех областях, значит ее деятельность в данных областях достаточно успешна и может быть образцом для других стран континента. На втором уровне необходимо создание и поддержание системы межконтинентального миропорядка, которая бы гарантировала невозможность планетарной войны, недопустимость нищеты и голода на планете и предупреждение спонтанных малопредсказуемых рисков для существования человечества, отдельных социальных групп и народов. Успешная деятельность на втором уровне подразумевает уже взаимодействие суперконфедераций между собой и здесь важно следовать **золотому правилу компромисса**, основанному на Парето-оптимальных решениях (когда хотя бы один участник выигрывает, а остальные не проигрывают). Таким образом, тетрада понятий моей парадигмы включает: а) суперконфедерацию (СК) как главного игрока в решении главных проблем современности; б) оборону, безопасность и благосостояние как главные области поля деятельности суперконфедераций; в) компромисс как основное правило взаимодействия суперконфедераций и г) создание безопасного и благополучного миропорядка как главной цели деятельности.

Рассмотрю существующие и потенциальные суперконфедерации (СК) с разделением на континентальные и океанические СК. Четырьмя важнейшими признаками СК являются: 1) континентальный (океанический) масштаб; 2) наличие не менее двух сильных государств (сильных по отношению к уровню континента); 3) наличие природно-ресурсного, социально-культурного, технико-экономического и военно-политического потенциала, обеспечивающего возможность достаточно автономного (в масштабах континента) существования СК и 4) высокий уровень интеграции государств-участников в области обороны, безопасности и экономики. Исходя из перечисленных признаков к существующим континентальным СК можно отнести только три - Североамериканскую СК (США и Канада), Западно-Европейскую СК (Европейский Союз с Францией и Гер-

манией) и Австралийскую СК (Австралия и Новая Зеландия). К потенциальным континентальным СК можно отнести активно формирующуюся Евроазиатскую СК (Россия и Китай с союзниками в Восточной Европе и Центральной Азии) и латиноамериканскую СК (Бразилия и Аргентина с МЕРКОСУР). Вся Африка, Ближний Восток, Южная Азия, Юго-Восточная Азия, Океания, Центральная Америка и Карибский бассейн пока не имеют возможности создания суперконфедераций или из-за отсутствия двух сильных государств-партнеров, или из-за низкого уровня интеграции и внутренних противоречий.

Если говорить об океанических СК, то к существующим можно отнести Атлантическую СК (США и Великобритания), Тихоокеанскую СК (США, Япония, Южная Корея, Сингапур и Австралия) и Арктическую СК (США, Канада, Дания, Норвегия). Потенциально возможно формирование Индоокеанской СК с обязательным участием Индии, Ирана, Саудовской Аравии, ЮАР, Индонезии и Австралии. Однако это потребует существенного политического сближения данных государств.

Наиболее общий обзор существующих СК показывает лидирующую глобальную роль США, участвующих в одной континентальной и трех океанических СК. Интересные глобальные перспективы у Австралии, участвующей в одной континентальной и одной океанической СК, а также способной участвовать в одной потенциальной океанической СК. Остальные сильные страны участвуют не более, чем в одной СК. Все вышесказанное создает возможности определение перспектив мира, Евразии и Юго-Восточной Азии с двух позиций – с точки зрения С. Хантингтона и с авторской позиции.

Перспективы мира, Евразии и Юго-Восточной Азии

Поскольку центральной проблемой западного лидерства С. Хантингтон видит отношения между Западом и Восточной Азией, а это, в первую очередь, экономическая конкуренция, максимальную вероятность межцивилизационного суперконфликта он предполагает в этом регионе. Главную причину будущего суперконфликта С. Хантингтон видит в возвышении Китая, что противоречит американским интересам, и в географическом соприкосновении пяти главных цивилизаций в

Большой Восточной Азии – западной, синской, японской, мусульманской, православной, что создает условия для втягивания в конфликт государств с общей численностью населения 4 миллиарда и трех постоянных членов Совета Безопасности ООН (США, России и Китая), обладающих подавляющей военной мощью. Сценарий конфликта С. Хантингтон приводит в конце своей работы (с.510-516). В конфликт оказываются втянуты сначала Китай и Вьетнам, затем США, затем, почему-то, Индия и Пакистан, затем Иран и Израиль, Япония и Россия, страны Северной Африки, Балканы и Европа. Самокритично предполагая, что данный сценарий может быть воспринят как «дикая и неправдоподобная фантазия» (с.517) С. Хантингтон в завершении работы формулирует несколько вполне разумных призывов к правилам поведения стержневых государств для предотвращения суперконфликта. Это три обязательных правила – 1. Правило воздержания стержневого государства одной цивилизации от участия во внутренних конфликтах другой цивилизации (с.518); 2. Правило совместного посредничества стержневых государств разных цивилизаций для сдерживания или прекращения войн между пограничными странами их цивилизаций (с.518) и 3. Правило общности, когда люди разных цивилизаций ищут и стремятся распространять общие ценности, институты и практики (с.524). Выполнение третьего правила должно привести к постепенному формированию универсальной общечеловеческой цивилизации (с.524), однако и в этом случае на смену столкновению цивилизаций придет столкновение данной универсальной общности с различными формами варварства, такими как политическая анархия, транснациональная преступность, межэтнические конфликты, терроризм и др. (с.526).

Как видим, возвышение любой страны мира с точки зрения парадигмы С. Хантингтона, противоречит интересам США, а, следовательно, неизбежным становится суперконфликт (Третья мировая война). В войне, сценарий которой он обсуждает, должны принять участие все страны, стремящиеся серьезно решать проблемы обороны, безопасности и благосостояния (Китай, Россия, Индия, Иран, Япония, Европейский Союз), причем **Юго-Восточной Азии отводится роль очага возник-**

новения суперконфликта. Таким образом, парадигма С. Хантингтона имеет прямым следствием своего применения Третью мировую войну, новые (цивилизационные) риски глобальной и континентальной безопасности и неизбежное снижение уровня благосостояния. Поэтому взгляд на перспективы мира, Евразии и Юго-Восточной Азии с точки зрения парадигмы компромисса суперконфедераций будет совсем иным.

Прежде всего, необходимо ввести представление о **зонах внутриконтинентальной, межконтинентальной и океанической ответственности суперконфедераций.** Три существующих континентальных СК (североамериканская, западноевропейская и австралийская) добились серьезных успехов в обороне, безопасности и благосостоянии для уровня своих континентов (Северная Америка, Европа и Австралия). Таким образом, не стоит вопрос о зонах внутриконтинентальной ответственности данных СК. Однако вопрос о зонах межконтинентальной и океанической ответственности не так очевиден. За основу определения таких зон следует взять **естественную предрасположенность** стран соседних континентов к взаимодействию с данными суперконфедерациями. Под естественной предрасположенностью следует понимать ресурсную, демографическую, экономическую, оборонную и иную **взаимодополняемость** стран других континентов с существующими континентальными СК.

Поскольку возможности дальнейшего экономического роста в главных странах данных СК ограничены демографическими процессами (низкая рождаемость и старение населения), логично говорить о необходимости создания зон межконтинентальной ответственности по миграции населения и экономическому развитию. Для североамериканской СК такой зоной должна быть Мексика, Центральная Америка и Карибский бассейн, для западноевропейской СК вся Африка, для Австралийской СК – Океания и Юго-Восточная Азия. Именно на этих направлениях существующим континентальным СК следует сосредоточить свою перспективную деятельность и постараться обеспечить мир, безопасность и благосостояние в данных регионах. Абсолютно неконструктивным является вмешательство США в составе североамериканской, атлантической и ти-

хоокеанской СК в евроазиатское пространство. С планетарной точки зрения это вмешательство надо рассматривать не просто как противоречащее интересам мира, благосостояния и безопасности, но как потенциальное преступление против человечества, провоцирующее и глобальный военный конфликт, и континентальные конфликты, и совершенно новые риски, и всеобщее снижение уровня благосостояния. США необходимо доказать миру, что они способны обеспечить мир и благосостояние прежде всего в регионе Центральной Америки и Карибского бассейна. Лишь после этого, страна может подключаться к решению проблем на других континентах.

Для решения ключевых проблем Евразии огромный потенциал развития имеет Евроазиатская СК, особенно в случае использования структур Шанхайской Организации сотрудничества (ШОС). К интеграции в ШОС уже подключены Индия и Пакистан, целесообразно подключение Северной и Южной Кореи, Турции и Ирана, Индонезии, Малайзии и Вьетнама. В этом случае, Восточная Азия, Ближний Восток и Юго-Восточная Азия смогут участвовать в Евроазиатской СК своими достаточно сильными участниками, обеспечивающими решение проблем обороны, безопасности и благосостояния. Перспективная ситуация с Юго-Восточной Азией самая неопределенная. В отсутствии собственного сильного центра, она может быть разделена на зоны влияния Евроазиатской СК, Австралийской СК, Тихоокеанской СК и потенциальной Индоокеанской СК. Поэтому для Юго-Восточной Азии необходимо либо формирование собственной суперконфедерации (например, Сингапур-Индонезия), либо поддержание баланса интересов к своему региону со стороны всех заинтересованных СК, что сейчас удается делать в режиме АСЕАН+.

Итак, перспективы мира выглядят достаточно благоприятными только в том случае, если существующие и потенциальные СК определяют для себя зоны внутриконтинентального, межконтинентального и океанического влияния, в рамках которых, СК будут проводить не политику канонерок, а политику «позитивного влияния», с точки зрения обеспечения мира, безопасности и благосостояния. Если у СК не хватает сил, средств и желания развивать территории в зонах ответственности, то

такие территории должны передаваться в зону ответственности других СК.

В Евразии зоны ответственности должны определяться переговорами между Атлантической, Западно-Европейской, Тихоокеанской, Евроазиатской СК и блоком АСЕАН. Идеальный вариант состоит в полном отказе Атлантической СК и Тихоокеанской СК от политики дестабилизации в Евразии (направленной против, соответственно, России и Китая), прекращении деятельности блока НАТО, выводе войск США из Афганистана, Сирии, Ирака, европейских стран, Японии и Южной Кореи. Поскольку рассчитывать на такое разумное поведение со стороны США невозможно, первоначальные консультации по решению ключевых проблем Евразии можно провести в формате Европейский Союз+ШОС+АСЕАН, создавая условия для решения существующих территориальных споров и совместной обороны в духе добрососедства и сотрудничества. В рамках такого формата есть смысл создавать евроазиатскую зону свободной торговли и общий рынок факторов производства. Необходимо включить в повестку переговоров и создание евроазиатской сети агентств прогнозирования и изучения рисков развития Евразии.

Уверен, что разделение континентальных зон ответственности суперконфедераций, заключение договоров о невмешательстве и взаимопомощи между ними, использование правила компромисса действительно поможет решить ключевые проблемы обороны, безопасности и благосостояния не только в Евразии и Юго-Восточной Азии, но и во всем мире.